

Гао Сяотянь читала лекцию довольно живо и интересно, но Шэнь Ванчуань не мог сосредоточиться.

Он размышлял о подработке на выходных. В конце концов, он действительно не любил учиться, к тому же из родных у него осталась только пожилая бабушка. Было бы замечательно хоть немного облегчить её ношу.

Он изменил своей привычке и непривычно замолчал. Взгляд его был устремлен в окно, словно снаружи происходило что-то, заслуживающее пристального внимания. Се Люянь нашел такое поведение необычным: в его представлении Шэнь Ванчуань был лишь бездельником, мающимся от скуки.

Гао Сяотянь, стоя у кафедры, прекрасно видела, что Шэнь Ванчуань витает в облаках. Она мысленно вздохнула: ситуация этого парня была ей хорошо известна. Родителей нет, только бабушка, которая из последних сил оплачивает его учебу. И хотя здоровье у бабушки Шэнь пока крепкое, кто знает, что будет дальше? Именно поэтому Шэнь Ванчуань не стремился к знаниям, а постоянно искал себе другие занятия. Несмотря на то что он поступил в университет и по закону уже считался совершеннолетним, он всё еще не оперился. Он не ступил на порог реальной жизни и не обладал навыками, необходимыми для выживания.

Дав студентам время на чтение текста, Гао Сяотянь сошла с кафедры и постучала по парте Шэнь Ванчуаня, призывая его вернуться к реальности. Се Люянь, уловив нечто в глубине выражения лица Шэнь Ванчуаня, мысленно обратился к 0526:

— Ты знаешь, что с этим парнем? Почему он постоянно меняется?

Лицо меняет довольно быстро. Только что раздражал, а теперь снова притих.

0526, имея доступ к базовой информации о мире, был в курсе дел Шэнь Ванчуаня. Однако он не ожидал, что за несколько коротких дней Господин Главный Бог проявит к этому мальчишке хоть какой-то интерес.

— Если честно, его жаль. У Шэнь Ванчуаня нет родителей, только бабушка. Он никогда не хотел учиться в университете, мечтал поскорее бросить учебу и пойти работать. Но из-за настойчивости бабушки Шэнь Ванчуань всё же приложил усилия и поступил, хотя его мысли на этот счет ничуть не изменились.

Вот оно что. Се Люянь не почувствовал сострадания к рассказу 0526. Будучи Божеством, он с рождения был одинок. У него не было уз, он не знал семейного тепла. Именно поэтому, попав в этот малый мир, он ощущал лишь слабую связь с родственниками — разве что отец, с которым они почти не виделись, регулярно перечислял на его карту внушительную сумму на расходы. Но с одним условием: не искать встреч.

Хоть он и не мог прочувствовать это на себе, Се Люянь понимал, что такое семейные узы для людей. В этом свете Шэнь Ванчуань действительно вызывал жалость.

Однако в следующую секунду Шэнь Ванчуань, заметив, что Гао Сяотянь отошла недалеко, пришел в себя и бросил ему записку:

— Се Люянь, ты уже сделал домашку по высшей математике?

Чжао Жолинь был неплох в других предметах, но высшая математика — это божественный уровень, с которым даже он едва справлялся. И даже если бы он сам всё сделал, там всё равно остались бы пробелы. А насчет того, что сделал Шэнь Ванчуань, Чжао Жолинь не рискнул бы давать гарантии. Шэнь Ванчуань, пролистав тетрадь, решил поискать кого-то другого. Если Чжао Жолинь начнет халтурить, он его точно погубит.

Развязный, дерзкий почерк в сочетании с приподнятой бровью Шэнь Ванчуаня заставили жалость, только что возникшую в сердце Се Люяня, мгновенно испариться. Глядя на скомканный листок, он расправил его и, взяв ручку, написал:

— На других надейся, а сам не плошай — пиши сам!

Буквы продавливали бумагу, передавая эмоции автора. Написав это, Се Люянь бросил записку обратно и открыл учебник. Его вид недвусмысленно давал понять, что он отказывается от дальнейшего общения.

Шэнь Ванчуань развернул бумажку, увидел почерк и замер. А потом развеселился. Этот строгий, уверенный почерк сильно отличался от того, что он видел у большинства парней — куда лучше, чем курица лапой у Чжао Жолиня. Смотреть на него было одно удовольствие. Особенно этот восклицательный знак — поистине уникально. Шэнь Ванчуань, у которого самого почерк был не ахти, в душе осыпал Се Люяня комплиментами. Глядя на отгородившегося Се Люяня, он, сам не зная почему, разгладил записку и вложил её в учебник английского. В конце концов, это была их первая записка, надо сохранить.

Когда Шэнь Ванчуань одолжил тетрадь у другого парня и всё переписал, время как раз вышло. Урок английского Гао Сяотянь подходил к концу. Она стояла у кафедры и давала наставления:

— Весна пришла, старайтесь больше гулять, не сидите вечно дома или в общежитии, это слишком скучно. Через пару недель в университете пройдут весенние спортивные игры. Правила старые: активно записывайтесь и участвуйте. Тому, кто возьмет призовое место, я проставлюсь — считайте, что это ради чести нашего класса.

Услышав это, студенты радостно зашумели. Хотя Гао Сяотянь и называли Железной леди за строгость в управлении классом, в других отношениях она была вне конкуренции — не то что обычные кураторы, которые только и знают, что следить за оценками.

Чжао Жолинь развернулся с передней парты и, подсев к Шэнь Ванчуаню, ехидно спросил:

— Шэнь-гэ, будешь участвовать в играх? Мы только поступили в Юньцзинский университет, самое время блеснуть.

Шэнь Ванчуань лениво развалился на парте, не особо вникая в слова Чжао Жолиня:

— Не буду, не интересно. Лучше посплю лишнее время.

— А? Шэнь-гэ, как же так? У тебя такие спортивные данные! Если бы ты участвовал, мы бы могли заставить Гао накормить нас обедом!

Шэнь Ванчуань пропустил мимо ушей сетования Чжао Жолия — в старшей школе ему тоже были неинтересны эти игры. Чжао Жолия это знал, они учились в одной школе и одном классе. Но в этом году всё было иначе — появился Се Люянь.

Шэнь Ванчуань перевел взгляд на Се Люяня:

— Ну а ты, Се, будешь участвовать? Если почаще мелькать на виду, глядишь, и старшекурсницам приглянешься.

Се Люянь, которого внезапно задели, не сразу нашелся что ответить:

— Мое участие или неучастие тебя как-то касается?

Тон Се Люяня был предельно холодным. Чжао Жолия, наблюдая за противостоянием двух «тяжеловесов», внутренне содрогнулся — он сам не осмелился бы так разговаривать с Шэнь-гэ. Новичок оказался смелым. Еще больше его поразило то, что Шэнь Ванчуань не разозлился, а лишь усмехнулся:

— Если ты пойдешь, я подумаю.

Что это, участие по принуждению? Се Люянь ответил равнодушно:

— Не утруждайся, мне это не интересно.

На этом разговор был окончен, результат — ни рыба ни мясо. Мировоззрение Чжао Жолия пошатнулось: он не ожидал, что Се Люянь окажется настолько непростым, раз даже Шэнь-гэ не смог одержать верх в этой перепалке.

Кстати об играх — следующим уроком была физкультура. В университете к занятиям спортом относились свободнее, но учебное заведение поощряло активность для укрепления здоровья. Их класс спустился вниз, построился и направился к стадиону. Поскольку они были почти одного роста, выше метра восьмидесяти, Шэнь Ванчуань и Се Люянь оказались в последнем ряду. Шэнь Ванчуань совершенно не принял близко к сердцу их недавнюю размолвку и с энтузиазмом продолжал:

— Хочешь, я протащу тебя на баскетбольной площадке? Подумай о том, чтобы быть в моей команде.

Под команды старосты студенты первого класса побежали по стадиону. Се Люянь дышал ровно, глядя прямо перед собой:

— Не интересно. Можешь протащить кого-нибудь другого.

Бегущий впереди Чжао Жолия, услышав про «проташу», обернулся:

— Шэнь-гэ, а как насчет меня? Я тоже хочу ощутить, каково это — быть «проташенным»!

Шэнь Ванчуань закатил глаза:

— Вали отсюда, не до тебя сейчас, заняться больше нечем?

Сказав это, он вырвался вперед, давая понять, что не намерен продолжать диалог. Чжао Жолинь сделал обиженное лицо: значит, любовь всё-таки проходит, да?

<http://bllate.org/book/22474/2366110>